

INSPIRIA

«ИДЕАЛЬНОЕ ПРОТИВОЯДИЕ
ОТ НАШЕГО НАПРЯЖЕННОГО ВРЕМЕНИ!»

BOOKREPORTER.COM

В ДРУГОЙ РАЗ ПОВЕЗЕТ!

ДЖУЛИЯ КЛЭЙБОРН ДЖОНСОН

INSPIRIA

Novel. Большая маленькая жизнь

Джулия Клэйборн Джонсон

В другой раз повезет!

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Клэйборн Джонсон Д.

В другой раз повезет! / Д. Клэйборн Джонсон — «Эксмо»,
2021 — (Novel. Большая маленькая жизнь)

ISBN 978-5-04-117396-8

Насколько сложно было получить развод в США накануне Второй мировой войны? Практически невозможно! Единственным штатом, где можно было развестись, была Невада - и женщины со всей страны стекались в городок Рино, "мировую столицу разводов", чтобы освободиться от уз изжившего себя брака. Ожидать решения приходилось шесть недель, и в это время женщины проживали на ранчо "Скачок в будущее". Миллионерша Нина, живущая всегда на полную катушку, и трогательная Эмили, решившая уйти от своего изменника-мужа, знакомятся на ранчо с Вардом, молодым человеком, бросившим Йель. Их общение становится для Варда настоящей школой жизни, он учится состраданию, дружбе и впервые в жизни влюбляется. «В другой раз повезёт!» — это роман о разводе, браке и обо всем, что сопровождает их: деньги, положение в обществе, амбиции и возможности. Веселое, но пронзительное исследование того, как дружба может спасти нас, а любовь — уничтожить, и что семья, которую мы создаем, может быть здоровее, чем семья, в которой мы родились. Это искрометная комедия с яркими персонажами, знакомыми по фильмам золотого века Голливуда. Несмотря на серьезную и стрессовую тему - развод, роман получился очень трогательный, вселяющим надежду на то, что всё только начинается. А уж когда рядом молодой красавчик-ковбой - тем более! "Идеальное противоядие от нашего напряженного времени!" - Bookreporter.com

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-117396-8

© Клэйборн Джонсон Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	13
Глава третья	16
Глава четвертая	22
Глава пятая	28
Глава шестая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джулия Клэйборн Джонсон

В другой раз повезет!

Папе, который немного работал ковбоем, и маме, которая всегда была врачом

Выходить замуж надо исключительно по любви. Столько раз, сколько потребуется – пока не найдешь настоящую.

Жа Жа Габр

Чудесно, что существует институт брака. Но кому захочется жить в институте?

Граучо Маркс

Пролог

Штат Теннесси, 1998 год

Да-да, вы не ошиблись. Доктор Говард Стоваль Беннет-третий к вашим услугам!

Посмотрим, что вы там принесли – только передайте, пожалуйста, лупу. О да! Вот он я, в потрепанной ковбойской шляпе в окружении дам. Помню, мне пришлось переехать шляпу дилижансом, чтобы придать ей должный вид. Сколько мне тут лет?.. Двадцать четыре, двадцать пять... Даже не верится!.. Беден как церковная мышь, зато молод и красив. Великая депрессия, работы нет... Я хватался за все подряд. Нанялся на ранчо для разведенных женщин в окрестностях Рино. Изображать ковбоя гораздо лучше, чем рыть канавы для канализации, уж поверьте.

Некоторые мужчины – прирожденные дамские угодники, а меня жизнь заставила. Я любил так отшучиваться, когда медсестры или доктора хвалили мою обходительность с пациентами. Некоторые идиоты утверждают, якобы этому нельзя научиться. Чушь собачья! Дело нехитрое, если иметь каплю мозгов и немного сострадания. Просто посмотри больному в глаза и дай пожаловаться. И – ради всего святого – если у тебя холодные руки, потри их хорошенько или согрей в горячей воде перед осмотром!

Хотя я шучу про дамских угодников. И уж точно я не альфонс! Ковбои на ранчо «Скачок в будущее» служили лишь украшением. Да и нам связи с гостями были категорически запрещены и карались увольнением. Мы вели хозяйство, однако основной нашей обязанностью было сопровождать обычно убитых горем состоятельных клиенток в Рино, таскать пакеты из магазина в магазин, а также организовывать конные прогулки по пустыне. А также болтать о погоде, при необходимости сочувственно выслушивать жалобы и при всяком удобном случае делать комплименты. По-моему, для врача – самые необходимые навыки.

Да вы лучше возьмите стул, присядьте! С удовольствием расскажу все, что помню. Записывать? Записывайте, я не возражаю. Мне только в радость – после многолетнего-то молчания! Я предпочитал не распространяться о прошлом – ковбои обычно вызывают ассоциации из бульварных романов, и не объяснишь, как оно на самом деле было. Хотя сам я не лучше, тоже иронизировал, а зря. Мы делали важное дело, помогали пережить нелегкий период. Именно там я познал все тонкости человеческих страданий и суть доброты. Бесценный опыт!

Посмотрим, кого я еще узнаю на фотографии... Имена и фамилии, говорите? Ну я попробую. Вот этот ковбой – мой напарник, Сэм. Напоминает Гэри Купера в фильме «Ровно в полдень», правда? Что? Не видели? О, вы много потеряли! Хороший фильм! Только на прошлой неделе его показывали поздним сеансом. Я полночи не спал. Один из плюсов пенсионного возраста – не надо рано вставать. Хоть весь день проспай, никто не хватится.

Фамилия у Сэма была Виттори, насколько я помню. А вот этот джентльмен в строгом костюме – Макс. Максвелл Грегори. До ранчо владел бизнесом в Чикаго. Потом устал от большого города и переехал в Рино в поисках новых бизнес-проектов и свежего воздуха. А эта кудрявая брюнетка с ямочками, как у Ширли Темпл, – Маргарет, его спутница жизни и деловой партнер. Она управлялась с хозяйством, вела бухгалтерию и служила эталоном житейской мудрости. Между прочим, именно она вычитала о «бракоразводном ранчо» в телевизионном журнале, подала идею Максу, они купили ферму, и началось... Идея расторгать неудавшиеся браки и начинать жизнь с чистого листа была тогда сравнительно новой, и все желающие ехали за свободой в Рино. Дело в том, что после шести недель непрерывного пребывания вы становились гражданином Невады и по закону штата получали развод. Можете снова попытать счастья на семейном поприще, если хотите. С первой попытки не удалось, удастся со второй... или с третьей... Кто не рискует, тот не пьет шампанского, верно?

О чем это я? Так вот, Макс выписал из Голливуда художника по декорациям, чтобы оформить ферму в стиле Дикого Запада. Как в кино – гигантские валуны, полынь, деревянная изгородь и всякое такое. Маргарет переименовала ферму в «ранчо» и установила современные удобства, без которых наша клиентура вряд ли согласилась бы обходиться – электричество, водопровод, телефон. В общем, Макс и Маргарет были на редкость радушными хозяевами, и наши обеспеченные поклонницы института брака возвращались в «Скачок в будущее» после каждого последующего развода. Если Маргарет пускала...

Блондинка по левую руку, которая с меня ростом, – одна из постоянных клиенток, Нина О'Малли. Макс и Маргарет ее обожали. Сэм тоже. Да и я ее полюбил... правда, не сразу. А это Эмили Соммер – они с Ниной вместе бедокурили. Странно, Эмили сейчас уже старушка, если вообще... Дайте минутку, может, вспомню, как звали остальных дам.

У меня ведь была точно такая же фотография! Забавно, иногда не ценишь вещь, а потом потеряешь, и жалко... Вы не торопитесь? Тем летом столько всего творилось – вам на несколько книг хватит. Случилась эта история под самый конец моего пребывания на ранчо, и я помню все до мельчайших подробностей. А ведь уже пятьдесят лет прошло. Не верится...

Глава первая

Штат Невада, июнь 1938 года

Забирать Нину с аэродрома я должен был на дилижансе.

Этот дилижанс гнил под брезентом в амбаре где-то в Вирджинии-Сити. Макс с декоратором его откопали, когда искали атрибуты для ранчо. Макс тут же решил, что это хитрый рекламный ход – встречать на нем гостей. Потом скрипучую колымагу подремонтировали, подкрасили и нарисовали на дверях пегаса. Да-да. Пегаса, прыгающего через надпись в форме кольца. Надпись гласила: «“Скачок в будущее” – настоящее ковбойское ранчо». Макс еще собирался добавить слоган: «Не отчаивайтесь! В другой раз повезет!» (как говаривал судья из Рино, когда ударом молотка превращал очередную замужнюю даму в разведенную), однако разумная Маргарет запретила.

Уж не знаю, сколько Макс заплатил, но наш ретротранспорт окупился сполна. Когда гости видели, какой экипаж за ними прибыл, их лица всегда светлели. В глазах читалась надежда: не все еще потеряно, раз на платформе ждет красавчик-ковбой, который погрузит меня и гору чемоданов в карету и увезет за горизонт. Макс величал нашу колымагу «социализатором» – утверждал, что час немилосердной тряски в дилижансе сближает дам, изначально имеющих мало общего – кроме богатства и неурядиц на семейном фронте. Они вылезали уже подружками, пусть не на всю жизнь, но хотя бы на время пребывания (дальнейшее нас не особо интересовало).

В день приезда Нины я, скинув рубашку, запрягал в дилижанс четыре из шести имеющихся в хозяйстве лошадей. Матушка в обморок упала бы, застукать она меня в таком виде (не дай бог кто-то из дам увидит!). А Макс велел всегда работать голыми по пояс, если только погода позволяла, – в качестве приятного бонуса для клиентуры. Некоторые состоятельные гости никогда раньше не видели играющих мускулов... и физического труда как такового.

В тот день я совсем не возражал слегка раздеться, так как жара стояла немилосердная. К тому же дам поблизости все равно не наблюдалось – Сэм вызвался отвезти всех в город на «Шевроле». Маргарет была в доме, как всегда по уши в делах – поди обслужи восемь клиенток сразу, а у нас меньше, как ни крути, не бывало. Макс отправился в суд в качестве свидетеля с одной отъезжающей гостьей – клясться на Библии, что Сюзи не пересекала границу штата в последние шесть недель. После чего судья провозгласит ее полноправной жительницей штата Невада (причем разведенной), и ей ничто не помешает тут же сесть на поезд и отправиться домой, в Чикаго.

Оказалось, в город уехали не все...

Эмили прибыла из Сан-Франциско несколько дней назад, прикатила одним прекрасным вечером на автомобиле марки «Пирс Эрроу». Она отмахала в одиночку больше двухсот миль, подложив на сиденье большую подушку – иначе дорогу из-за руля не видела. Въехала во двор незадолго до темноты – верх поднят, непокрытые волосы всклокочены ветром. В это время года темнеет в районе девяти, и ее появление вызвало настоящий переполох среди наших гостей, а также куриц – и те и другие как раз собирались ложиться спать. Как только багаж забрали и остывающий мотор перестал потрескивать, несколько куриц устроились на лобовом стекле, а амбарные кошки пришли поточить когти о сиденья. Я выгнал живность и поставил седан в амбаре рядом с дилижансом, затем накрыл его брезентом – тем самым, под которым когда-то хранился «ретросоциализатор».

Все восхищались смелостью Эмили – проделать в одиночку столь долгий и опасный путь.

– Это не смелость, – ответила та. – Это отчаяние. Если бы не уехала сейчас – никогда уже не решилась бы.

Манера речи у нее была интеллигентная – не иначе как училась во всех колледжах «Семи сестер» сразу, а голос неожиданно громкий и резкий, особенно при ее миниатюрности.

– Дорогуша, что с вашим голосом? – спросила одна из дам. – Это, наверное, от стресса?

– О, это мой обычный голос, – ответила Эмили. – Когда мне было пять, все умилялись, а сейчас... – Она пожала плечами и помотала головой. – Как гвоздем по стеклу царапаешь... так утверждает мой благоверный. И да – я ужасно перенервничала.

За пару дней под крылышком у Маргарет Эмили вполне оправилась. Я как раз заканчивал запрягать лошадей, чтобы ехать на аэродром, когда она неожиданно возникла рядом.

– Настоящий Кэри Грант в ковбойских сапогах, – сказала она.

На ней тоже были сапоги и свободное летнее платье. Сейчас такое часто можно увидеть, а тогда было в новинку. Эмили всегда выделялась на фоне остальных: богатые дамочки носили высокие сапоги и брюки для верховой езды (узкие снизу, широкие сверху – на манер индийских шаровар) или же купленные в Рино модные одежки а-ля Дикий Запад, которые ни за что не надели бы дома. Прически тоже были однотипные – все залакированные, волосок к волоску, и все, вопреки законам природы, блондинки. Сэм говорил, «маскировочный окрас», потому как неизвестно, что за ним скрывается. Эмили же ходила с копной непослушных темных кудряшек – тугих, как пружинка матраса, так и тянуло распрямить и отпустить, чтобы свернулась обратно. У нее были широко посаженные карие глаза и кукольные губки, которые в сочетании с маленьким ростом придавали ей вид не по годам умного и мрачного ребенка. Образ распадался, как только она открывала рот и слышался ее далеко не ангельский голосок. Меня чуть удар не хватил, когда она со мной заговорила, – я-то думал, гости уехали в город.

– Простите, – смутилась Эмили. – Не хотела напугать.

– Да, мэм, признаюсь, застали врасплох...

Я задумался, пока запрягал лошадей, – вспоминал одну залакированную блондинку, ради которой рискнул работой прошлым летом. Как же ее звали?.. То ли Рэйчел, то ли Митси. Нет, кажется, Лора... или Лори... Забавно, а еще собирался помнить до самой смерти! Как бы не так... Помню только круглые изумрудные сережки размером с дверную ручку. Сережки подходили под цвет глаз, и она их не снимала ни днем, ни ночью. Я тогда подумал, что стоят они, как дом родителей до Черного четверга.

Эмили нарочито не сводила глаз с моего шейного платка – видно, голый торс ее смущал. Я отвязал от пояса и поспешно натянул рубашку, предварительно вытерев рукавами пот с лица.

– Чем могу быть полезен, мэм?

– Это и есть знаменитый дилижанс? И куда же вы едете?

– Встречать новую гостью.

– Возьмете меня с собой?

– Я еду не на вокзал, – сказал я. – На аэродром – в другую сторону. Если хотели в Рино, надо было ехать с Сэмом и остальными.

– В Рино я уже была. Вчера. Купила сапожки...

Сапожки были красные с причудливой вышивкой и наверняка стоили, как целый семестр обучения в одном из университетов Лиги плюща¹.

– Я, в принципе, не собиралась, но продавец убеждал, что на ранчо без них не обойтись. Мол, сапоги – лучшая защита от гремучих змей и прочих ядовитых тварей. Я не нашла, что возразить против «ядовитых тварей». И потом, у дочки тот же размер ноги. Вернусь домой, подарю ей. Я уже отправила открытку с подробным описанием. Она грозилась рвать письма, поэтому я купила открытку. Ее все равно пробежит глазами, пока будет выкидывать...

¹ Лига плюща – восемь дорогих и престижных университетов США. (Прим. перев.)

Эмили кашлянула раз-другой, потом с усилием сглотнула. Сейчас будет рыдать. Я к тому времени уже знал, чего ждать в подобных случаях.

– К тому же «остальные» собирались по магазинам или в казино, – с напускной беззаботностью продолжила Эмили, – а я осталась: не люблю магазины и терпеть не могу испытывать судьбу.

«Как же вас тогда угораздило выйти замуж?» – подумал я, однако промолчал. К лету 1938 года я уже достаточно повидал и убедился: брак – дело рискованное. Работа на «бракоразводном ранчо» кого угодно избавит от романтических иллюзий. Глаза Эмили наполнились слезами, и я успел выудить из кармана еще один платок и протянуть ей. Макс нам достаточно раздал бандан в веселую клеточку специально для критических ситуаций.

– Как зовут дочку? – спросил я.

– Порция. Я уговаривала ее поехать со мной, но... – Эмили покачала головой и отвела глаза. – Тринадцать лет. Этим все сказано...

Я тогда не очень понял, что именно этим сказано, но на всякий случай покивал.

– Порция. Как у Шекспира. Фунт плоти и все такое, – заметил я.

– О! – удивилась Эмили. – Вы знаете эту пьесу? Мне она нравится! Там все получают по заслугам. Как будто в мире есть справедливость... А вас как зовут, мистер ковбой?

– Вард.

– А сколько вам лет? Извините за бестактность...

– Двадцать пять, мэм. Скоро будет.

Она улыбнулась:

– Двадцать пять. Скоро будет. Помню этот возраст... Хотя смутно. Порции тогда было три. Значит, три года бессонных ночей – она все время просыпалась. Надо же, теперь я даже скучаю по ней маленькой... В детстве она плакала, стоило мне выйти из комнаты, а теперь – знать не желает. Перед отъездом заявила, что никого скучней меня не встречала. Якобы всегда наперед догадывается, что я скажу, и лучше мне вообще молчать. Представляете, собственной матери?!

– Нет, мэм. Не представляю! – искренне ответил я.

Я с мамой, Памелой, был очень близок. Правда, она жила в Теннесси, а я в Неваде, и междугородкой тогда пользовались только в самых крайних случаях – как смерть родственника, например.

Эмили слабо улыбнулась:

– Вот так-то... Можно мне с вами на аэродром? Столько разговоров о дилижансе. А я еще не каталась.

Я-то предвкушал поездку в одиночестве. Сидишь себе на козлах, за ухом свернутая Сэмом сигаретка, в руках поводья... Кругом ни души, лишь проплывают мимо иссушенные солнцем равнины. Помнится, я даже накропал на эту тему что-то вроде стихов. Искренне надеюсь, что мое творение не сохранилось...

И я сказал:

– В следующий раз обязательно. А сейчас в дилижансе жарко, как в бане. – Поставил ногу на переднее колесо и вспрыгнул на козлы. – Прошу прощения, мэм, мне пора. Опаздываю.

– А я сяду рядом! – сказала Эмили. – Обещаю молчать! Вы меня и не заметите.

Не хватало еще, чтобы Маргарет доложили, как я отказал гостье в совершенно невинной просьбе.

– Ладно. Поставьте ногу на спицу, как я, и запрыгивайте.

Я наклонился и подал руку. Эмили оказалась легонькой, а я не рассчитал силу (видно, свободное платье ввело меня в заблуждение) и чуть не перекинул ее на другую сторону. В результате она приземлилась практически мне на колени.

– Простите, – пробормотал я, усаживая ее на сиденье рядом. – Вы легче, чем я думал... А голова вроде бы большая...

– Просто волос много. Сбросила я в последнее время. Не специально...

Понятно. Душевные страдания. Стол ломится, а аппетита нет. Многие дамы приезжали к нам истощенными. Поначалу, признаться, я очень их осуждал: вертят нос от еды, когда народ кругом голодает. Однако быстро научился всерьез им сочувствовать. Счет в банке и крыша над головой ничуть не умаляют сердечной боли. Болит у всех одинаково.

Я выудил из кармана еще один платок.

– Не надо, я уже наплакалась, – сказала Эмили.

– Нужно закрыть лицо от пыли, – пояснил я. – И кстати, еще головной убор не помешал бы. Продавец не уговорил купить в комплекте с сапогами?

Скоро ей голову напечет, и придется отдавать свою шляпу... Вдобавок вдруг она переживает, пока будет ходить туда-сюда. Осталась бы дома, пусть лучше Маргарет с ней возится.

– Нет, шляпу не купила. А далеко ехать?

– Мили четыре.

– Всего-то? Обойдусь!

– Солнце сейчас злое, – сказал я. – Наденьте тогда мою. Будет как раз. У меня тоже голова немаленькая.

– Нет-нет! – сказала она. – А как же вы?

– Не волнуйтесь! Я привычный. Наденьте, пожалуйста. А то обгорите – Маргарет меня уьет.

– Что ж, ладно.

Шляпа слегка пропотела, и я подложил внутрь платок, прежде чем водрузить ее на Эмили. Села хорошо. Потом я научил повязывать бандану на манер разбойников, чтобы не дышать пылью из-под лошадиных копыт.

– Спасибо! – поблагодарила Эмили, затягивая узел. – Значит, новая гостя прилетает на самолете? Как интересно! Я ни разу в жизни не летала. А вы?

– Не чаще, чем вы ездили на дилижансах, мэм.

Я взялся за поводья и вырулил на дорогу. Солнце пекло нещадно, я жмурился, перед глазами вспыхивали цветные контуры предметов.

Эмили коснулась моего локтя, и я даже подпрыгнул от неожиданности.

– Простите, я опять вас напугала, – сказала она. – Надо было сначала окликнуть. Сказать: «Вард». Имя как у сироты из английских романов. Которого приютили богатые родственники...

– Типа того, – буркнул я.

Глава вторая

Думаю, Эмили влюбилась в Нину с первого взгляда. Неудивительно – я и сам был ослеплен.

Впрочем, до знакомства Эмили была настроена враждебно.

– Наверное, брачная аферистка? Я еще понимаю – похоронить трех мужей, но трижды развестись!.. Она же примерно моего возраста... У меня много друзей, которые вообще ни разу не разводились!

По дороге Эмили, как обещала, не проронила ни слова, лишь оглядывала окрестности карими глазами да изредка хмурила лоб. Времени осмотреться было предостаточно, дилижанс развивал сумасшедшую скорость – аж шесть миль в час. Однако, едва я успел остановить лошадей, Эмили посмотрела в упор и спросила:

– И что эта Нина из себя представляет?

Когда я задал подобный вопрос Сэму, тот прищурился, сдвинул шляпу на затылок и ответил:

– Нина-то? Зажигалка!

Нина появилась на ранчо с первым потоком переживающих положенные шесть недель почти разведенных дам, ей тогда было чуть меньше двадцати. Потом приезжала еще. Макс и Маргарет явно к ней благоволили, иначе не разрешили бы гостить повторно. Регулировать пребывание гостей – работенка еще та, скажу я вам. Снимаю шляпу перед Маргарет – она отлично справлялась! Хотя, конечно, бывали и накладки с бесконечными приездами-отъездами, отменами в последний момент и листом ожидания длиной с лошадиный хвост.

Чтобы не запутаться с бронированием (а позднее – отсеять нежелательных клиенток), Маргарет завела специальную книжицу, которую хранила в секретном ящичке стола. Надписи напротив имен гласили: «склочная», «пьяница», «хамка», «болтушка», «идiotка» и самая ужасная характеристика в устах Маргарет – «зануда». Однажды я услышал, как Маргарет, даже не сверившись с книжицей, рекомендует кому-то остановиться в другом месте.

– Нэнси Каспер из Денвера, – объяснила она в ответ на мои удивленно приподнятые брови. – Не желаю тратить время на эту девицу. Жизнь слишком коротка!

– Я с Ниной еще незнаком, – ответил я на вопрос Эмили. – Сэм сказал, она зажигалка.

– Что значит «зажигалка»? – спросила Эмили.

– Сэм толком не объяснил. Зажигалка, и все. Ну, в смысле, механизм для высечения огня. Типа того.

Эмили кивнула и добавила после некоторого раздумья:

– Она, наверное, актриса. Голливудские знаменитости женятся по четыре-пять раз, даже глазом не моргнув. Не понимаю, как это вообще возможно. Впрочем, я-то не актриса...

Я остановил дилижанс на приличном расстоянии от взлетной полосы, чтобы лошади не пугались, заблокировал колеса, намотал поводья на специальный крюк и стал вытаскивать из заднего ящика мешки с зерном.

Сидевший на перевернутом ведре у дверей ангара долговязый паренек тут же подскочил и предложил помощь. Мальцы вроде него обычно дежурят у больших отелей и на вокзалах, подкарауливая богатых туристов с багажом. Я оценил предприимчивость и вручил мальчишке монету в пять центов – неплохая сумма, учитывая мои финансовые возможности: солидную часть зарплаты я отправлял домой, в Теннесси.

– Это что? – спросил он.

– Чаевые.

Паренек указал на буйвола на монете:

– Это, по-вашему, чаевые?

– Ну конкретно это, по-моему, буйвол.

– Понятно, что буйвол! Монетка-то в пять центов!

– И?

– Вы так звенели, пока выуживали пятицентовую, что даже буйвол разнервничался.

– Больше предложить не могу, – сказал я.

Мальчишка вздохнул, однако все равно помог с мешками.

Я предложил Эмили руку, но она отвергла помощь и прыгнула сама, не свернув шею и не выставив на всеобщее обозрение панталоны. Вернула шляпу (которую я тут же надел) и устроилась в тени дилижанса.

Я посмотрел вдаль – не летит ли Нинин самолет.

– Наверное, приятно кого-то изображать и еще получать за это деньги, – сказала Эмили. Заметив мое смущение, добавила: – Я имела в виду актрис...

– А, понятно... – протянул я и, задрав голову, медленно повернулся вокруг своей оси. Нина могла появиться откуда угодно – гости съезжались со всех концов света. Однажды был даже настоящий индийский махараджа – один из немногих постояльцев мужского пола. Мы не знали, где его разместить, однако он заявил, что всегда мечтал быть ковбоем, и без малейших претензий заселился к нам в барак. Мы с Сэмом заняли одну комнату, а он – другую. И попросил называть его «мистер Смит». Всегда безупречно одетый, махараджа отличался изысканностью манер. Однажды, когда он уже освоился, я спросил:

– Зачем вам разводиться? Разве махарадже нельзя иметь сколько угодно жен?

Он ответил с произношением, которому сам Шекспир позавидовал бы:

– А ковбоям разве не положено круглые сутки сидеть на лошади и играть на этих ваших странных маленьких ситарах? Банджо, кажется?

Махараджа – хороший парень, мы не обиделись. Мы из Соединенных Штатов, он из Азии – одним словом, братья-южане. Он взял с нас обещание, что мы обязательно заглянем в гости, если окажемся в его краях.

– А вы? – вдруг спросила Эмили.

– Что я?

– Вы тоже актер?

– Я? Актер?

– Ну вы знаете Шекспира, вот я и подумала...

– Нет, мэм.

– Все актеры вестернов выглядят примерно как вы. Если мужчина слишком красив для настоящей работы, он идет сниматься в кино. – Повисло неловкое молчание, потом она сказала: – Я не то имела в виду.

– Не объясняйтесь, – махнул рукой я. – «Слишком красив» – не самое страшное оскорбление.

Она же не добавила «и слишком глуп».

На горизонте появилась и стала приближаться маленькая точка. Послышался нарастающий шмелиный гул мотора.

– Смотрите, – с удовольствием перевел тему я, – кажется, самолет Нины!

Мимо пронесся двухместный самолетик с оранжевым корпусом и серебристыми крыльями, сел и проехал к ангару на дальнем конце взлетного поля. Внутри подпрыгивали от тряски две фигурки – пилот в черном и пассажир на переднем сиденье – пониже ростом.

Я от сердца оторвал еще одну пятицентовую монетку и попросил долговязого присмотреть за лошадьми, пока мы пойдем встречать Нину. Мальчишка скривился и сказал:

– Вот здорово! Вдруг этот буйвол влюбится в предыдущего и они начнут чеканить монеты? Тогда я разбогатею!

Мы с Эмили издали увидели, как вылез из кабины пилот, ловко сполз с верхнего крыла на нижнее. Затем спрыгнул на землю. Я побежал навстречу.

Когда я был ярах в ста, пилот уже стоял у носа самолета. Заметив меня, он ослепительно улыбнулся и помахал рукой. Поджарый, ростом футов шесть, не меньше, бледный, с лукаво-ангельской улыбкой. Мисс Пэм сказала бы: «симпатичный мальчик». Из тех, что остаются «симпатичными мальчиками» лет до пятидесяти. Так я думал. А потом летчик снял очки и шлем и потряс головой, рассыпав по плечам каскад длинных светлых волос. Передо мной стояла высокая блондинка с черным от сажи лицом – за исключением белых участков вокруг глаз.

– Здорóво, ковбой! – прокричала она, хотя я был на расстоянии вытянутой руки. – Это ты меня встречаешь?

– Да! – машинально крикнул я в ответ (как переходишь на шепот, когда собеседник охрип). Почему я принял Нину за парня при первом знакомстве? Вероятно, наряд ввел в заблуждение: просторная рубашка не первой свежести, небрежно повязанный шейный платок, парашют за плечами, кожаная куртка и кобура на поясе.

Нина сбросила парашют и куртку и прокричала:

– А где старина Сэм? Только не говори, что уволился, – я умру от горя!

– Повез в город целую машину дам.

– Что-что? – Нина оттопырила ладонью ухо.

Как я потом узнал, Нина плохо слышала после полетов на бешеном ветру в открытой кабине.

– Рино! – заорал я. – Много дам! Вернется позже!

– Много дам?.. Сэм кремeнь-человек! У тебя выпивка есть?

– В дилижансе вода!

– Что-что?

– Вода!

– Вода? Я не ослышалась? Послушай, ковбой, я просила выпить, а не искупаться! Хотя вымыться тоже не помешало бы. Возьми-ка сумку! Весит больше, чем я, зараза!

Когда мы шли обратно к дилижансу, Эмили, поравнявшись со мной, сказала:

– Вот что значит зажигалка! Я тоже так хочу...

Глава третья

Вылезая из «социализатора», Эмили с Ниной уже всю шептались и хихикали, как школьницы.

– Нет! – воскликнула Эмили. – Я бы не решилась. Ни за что!

– Еще как решилась бы! – возразила Нина. – Ты же доехала сюда из Сан-Франциско! Совершенно одна! По-моему, ты очень смелая!

С этими словами Нина пропустила руку Эмили себе под локоть, и они вместе направились к дому.

– Я просто отчаялась, – сказала Эмили.

– Именно! Настоящая смелость всегда рождается от отчаяния. Ну и алкоголь хорошо помогает.

– О, я не пью!

Нина хлопнула Эмили по руке:

– Это пока...

Навстречу вышла Маргарет. Нина, оставив новую подругу, взлетела по ступеням террасы и кинулась в ее объятия, словно вернувшийся с войны солдат.

Да-да, у нас даже была терраса. Я понимаю, вы не видели фото дома и, конечно, представили нечто низенькое и непрезентабельное. Нет, особняк бракоразводного ранчо «Скачок в будущее» был выполнен в викторианском стиле – обитый рейкой, с остроконечными крышами мезонинов и широкой террасой, огибающей здание с трех сторон. Шахтеры из восточных штатов обычно мечтают разбогатеть и отгрохать нечто подобное. Живописно и страшно невыгодно для содержания при внушительном размере (целых шесть спален) и капризном климате пустыни. В Неваде много было разбросано подобных недоразумений, нелепых на фоне здешних лунных пейзажей. Хотя гости были довольны: они приезжали ненадолго, и непрактичность ранчо их никак не касалась. Макс и Маргарет установили масляные обогреватели для зимнего сезона и вентиляторы для летнего. Сами Макс и Маргарет жили на первом этаже за кухней, и перепады температур их тоже не очень мучили. Мы же с Сэмом спали в отдельном двухкомнатном бараке напротив амбара. Барак (с одобрения голливудского декоратора) смастерили из серых досок, которые насобирали на развалинах шахтерского домика где-то в Спаниш-Спрингс.

Изначально Нина собиралась жить в «Скорпионе» – маленькой спальне под самой крышей. Крошечной, жаркой летом и холодной зимой, к тому же жутко неудобно расположенной – на верхнем пролете длинной лестницы. Даже в ванную комнату надо было спускаться на второй этаж. Зато это была единственная во всем доме комната на одного человека, и оттуда открывался лучший вид на горный хребет Сьерра-Невада. Большую часть года «Скорпион» пустовал, им пользовались, только когда все остальные номера заняты или когда кто-то из любимых клиенток про него спрашивал. Маргарет считала, что нашим гостям противопоказано одиночество. Когда лежишь один в темноте, наваливаются мрачные мысли, и недолго впасть в депрессию.

– С лошадьми так же, – объясняла Маргарет. – Чтобы чистокровная кобыла не разнесла стойло в щепки, к ней часто подселяют козла.

– А как вы понимаете кто кобыла, а кто козел?

– О, они меняются ролями по несколько раз.

Поскольку Нина выбрала «Скорпиона», пришлось тащить ее гигантскую сумку аж на третий этаж. Сумка была тяжеленная. Когда я в первый раз поднял ее на аэродроме, то невольно воскликнул:

– Что у вас там? Кирпичи?

– Консервные банки. Я расчлению мужчин, которые недостаточно меня ценили, и закатываю, – подмигнув, заявила она. – Так что будь поосторожней, красавчик!

Пока я волок сумку по лестнице, мне пришла мысль, что на самом деле эти твердые штуковины внутри – книги. В тридцатые годы сравнение мужчины с прочитанной книгой было вполне в ходу и в целом недалеко от истины.

Когда я спустился, Эмили уже куда-то исчезла, а Нина и Маргарет все еще сжимали друг друга в объятьях. Я нашел повод задержаться в коридоре – зашел в гардеробную, чтобы повесить куртку Нины. При дневном свете дальний конец коридора оставался в тени, так что меня трудно было заметить, зато акустика была прекрасной. Матушка, земля ей пухом, говорила: чтобы по-настоящему узнать человека, нужно побыть в его шкуре или подслушать парочку разговоров. Вот я и слушал – разумеется, из лучших побуждений: чтобы угодить клиенту, нужно хорошенько его узнать.

– Необязательно выходить замуж, чтобы меня навестить! – говорила Маргарет.

– Я не только поэтому вышла! – возмутилась Нина. – Я еще и Сэма хотела повидать! Новый ковбой сказал, что он поехал в Рино.

– Да. Скоро вернется.

– Рино... фу! Содом и Гоморра. Прибежище распутниц и папарацци.

Нина стояла на фоне светлого прямоугольника открытой двери. Она ослабила узел и стянула через голову платок. На шее сверкнула нить жемчуга. Жемчужины были размером с жевательную резинку и напомнили мне изумруды с дверную ручку. Чем удивляли меня наши богатые гости – они ощущали себя хорошо одетыми в любимом украшении, даже если на них больше ничего не было... Однако не буду забегать вперед.

– Послушай, Маргарет, я просила поселить меня в «Скорпионе», но передумала... Можно я поживу в «Койотах», как в прошлый раз?

– «Койоты» на двоих.

– Я помню.

– А помнишь, ты говорила, что скорее сквозь землю провалишься, чем согласишься на соседку?

Нина медленно распутала узел, потом аккуратно намотала платок на запястье. Потом вздернула подбородок и метнула на Маргарет хитрый взгляд из-под ресниц:

– Тогда я еще не познакомилась с Эмили. Она не похожа на старых кошелок, с которыми ты меня обычно селишь, – любительниц давать непрошенные советы по вопросам брака. Мне советы не нужны! Я уже три раза в этом самом браке побывала.

– Старые кошелки? – воскликнула Маргарет. – Выбирай выражения, Нина! Они не старше меня!

– Глупости! У тебя нет возраста, Маргарет! И потом – какая ты кошелка? Скорее модная сумочка!

Маргарет усмехнулась, однако согласия не дала.

– Эмили сказала, что ее соседка сегодня съехала, – продолжала Нина, – а новая прибудет только на следующей неделе. Бедняжка Эмили проплачет ночь напролет, если останется одна. Ну пожалуйста, Маргарет! Мы отлично ладили!

– Хорошо, – смягчилась Маргарет. – Если Эмили не возражает...

– Конечно, нет! – воскликнула Нина. – Она сама предложила!

Эмили, разумеется, ничего не предлагала и была удивлена подселению.

К выходным Эмили и Нина стали неразлучны. Часами шептались в библиотеке, для вида разложив на столе пазл. По утрам, пока не очень жарко, или ближе к вечеру, когда жара уже спадала, загорали на крыше террасы под окном своей комнаты, читая Нинины «консервы». Один раз вызвались отнести на кухню к Маргарет молоко, которое я надоил у нашей коровы Кэйти.

Будто фрейлины Марии-Антуанетты решили поиграть в крестьянок. Тащили ведро вдвоем и разлили больше половины.

Признаюсь честно. Иногда мне нравилось находиться среди богатых, которым не жалко полведра молока. Их беззаботность заражала, порой даже казалось, что у меня тоже есть деньги. Лично я богачом никогда не был, разве что по провинциальным меркам. Впрочем, если бы я никуда из дома не уезжал, наверное, считал бы себя потомственным миллионером, вроде Вандербильта. Однако жизнь на ранчо сильно поменяла мои представления об уровне достатка нашей семьи. Говорю твердо – богачами мы и близко не были. Что бы там ни воображала моя матушка.

Однажды вечером я лущил на террасе горох и вдруг услышал шаги над головой. Потом раздался голос Нины:

– Ступай на перекладины для выюнка! Очень удобно! Главное – не смотреть вниз!

Розовые плети, овивающие опоры у главного входа, зашуршали и заколыхались. Потом показались Нинины сапоги для верховой езды, бриджи, кобура на поясе и, наконец, сама Нина. Спрыгнув на землю, она сразу же отступила на шаг и стала выжидательно смотреть наверх.

– Вы бы лучше снимали оружие, прежде чем лазить по столбам!

Она совсем не удивилась моему присутствию, а вот замечание ее задело.

– Пули у меня в кармане, если хочешь знать, – сказала она. – А револьвер для вида.

Отпугивать хищников.

– Как же вы собираетесь их отпугивать, если револьвер не заряжен? – поинтересовался я.

– Двуногие хищники весьма трусливы.

Выюная роза снова затряслась, и сверху донесся голос Эмили:

– Ай! Колется!

– Не хватайся за ветки! Держись за перекладины!

– Я упаду!

– Не упадешь!

– А что тут происходит? – спросил я.

– Я учу Эмили выходить через окно, – ответила Нина.

– Зачем?

– Затем что она никогда раньше этого не делала, – отрезала Нина.

По тону было понятно: более идиотского вопроса она в жизни не слышала.

На следующий день я, облачившись в фартук с прыгающим пегасом, вытирал посуду, когда на кухне появились Эмили с Ниной. Раскрасневшиеся и взмокшие, как младенцы после ванной, они прошептали на задний двор, увлеченно болтая и даже не удостоив меня взглядом.

Зашла Маргарет – она снимала с веревки белье. Поставила корзину на разделочный стол и немного постояла у окна. Глядя, как Эмили и Нина залезают в натянутый в тени дома гамак, покачала головой и сочувственно поцокала языком:

– Я-то надеялась, что к нам приезжают за разводом, чтобы когда-нибудь все же найти вторую половинку... А эта заявляет, что больше никогда не выйдет замуж. Ни за что.

– Кто? Эмили? – спросил я.

– Ну нет! Такие, как Эмили, всегда замужем!

– Нина?

– Редкая догадливость! – похлопала меня по плечу Маргарет и добавила: – Бедная девочка, ей страшно не везет!

Затем Маргарет достала стопку кухонных полотенец из корзины и убрала все, кроме одного, в ящик.

– Знаешь, что я поняла за последние годы, Вард? – продолжила она. – Удачно выйти замуж – все равно что выиграть главный приз в лотерее. Представь: оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы встретить единственного, предназначенного тебе судьбой! Разве это возможно? Тем более с первой попытки? Однако все мы поначалу развешиваем уши, надеемся на лучшее и выскакиваем замуж. Некоторые счастливицы, конечно, срывают банк, однако большинство обрекает себя на вечные муки. Раньше из неудачного брака вообще был лишь один выход – ногами вперед... Бедная моя мамочка!

Маргарет протянула мне полотенце и продолжила:

– Самое печальное, когда женятся вроде бы даже по любви, а ужиться все равно не могут.

– Женятся почти всегда по любви, – сказал я.

Маргарет взяла меня за подбородок. Ей нравилась моя ямочка. Она называла ее «божья отметина». Как-то раз, поместив в ложбинку большой палец, она объяснила:

– Ангелы достали тебя из печи, а Создатель взял за подбородок и повертел твою головку из стороны в сторону – вот так. – Маргарет продемонстрировала. – И сказал: «Идеально вышло! Отправляйте!» И тебя тут же послали маме. А поскольку ты еще не до конца остыл, когда Бог к тебе прикоснулся, на подбородке осталась ямочка. Значит, ты особенный! По крайней мере, так учили монашки в католической школе. Еще они говорили, что развод – большой грех, за который полагается вечно гореть в аду... Так что хочешь верь, хочешь не верь.

Тогда, на кухне, она снова взяла меня за подбородок и повторила за мной:

– Женятся почти всегда по любви... О Вард! Я иногда забываю, что ты совсем еще юн!

Где-то через неделю Макс должен был встретить на вокзале новую соседку Эмили. Заодно отвезти в город компанию довольно мрачных дам (Эмили и Нину в том числе) на встречу с адвокатами. Соседка не приехала. Случай нередкий. Многие нерадивые мужья пугались, увидев у двери собранный чемодан, и начинали вести себя прилично. Особенно – как любила повторять Маргарет – если жена являлась их главным источником дохода. Порой я думаю: как сложились бы события, если бы у Эмили была другая соседка? Милая женщина средних лет, а не Нина, которая денно и нощно изобретала новые проказы.

В то утро Нина разыскала меня в конюшне. Я чистил щеткой холку Пельменю. О, старый добрый Пельмешек! Коротконогий и пузатый, как бочонок, с тонкой белой отметиной на лбу. На ногах у него были белые носочки, прямо как у чистокровного пегего мустанга. Кем он, впрочем, не являлся.

Да, родословная у Пельменя была незавидная, однако сам он всегда был истинным джентльменом – я в жизни не встречал коня воспитанней и добрей. Когда я только приехал в «Скачок в будущее», его звали Метеор, как окрестили еще в детстве, – то ли из-за характерной полоски на лбу, то ли из-за скорости, а может быть, из-за того и другого вместе. К моменту моего появления он уже с трудом обгонял черепаху, однако был миляга, и мы сразу подружились. Я назвал его Пельмешком отчасти потому, что матушка звала меня так же, когда я был толстощеким малышом. Скоро новое имя прижилось среди обитателей ранчо.

И вот я чесал бока любимчику Пельменю, как вдруг он начал беспокойно стричь ушами – подобно собаке, которая принюхивается и поднимает голову при появлении чужака. Я выглянул из-за кура и увидел на другой стороне Нину – с запиской в одной руке и ключами от машины в другой. На ней было темно-серое элегантное платье и, разумеется, жемчужное ожерелье. Кобуры на этот раз не наблюдалось. Ну, скажу я вам, выглядела она на все сто! Волосы убраны в пучок – ни дать ни взять учительница из воскресной школы. Очень богатая учительница... Погодите, я понял, на кого она была похожа! Помните актрису, которая стала принцессой Монако? Грейс Келли – вот! Вылитая Грейс Келли! При условии, что ее вытянули на дыбе до роста Гэри Купера – он как раз женился на ее героине в фильме «Ровно в полдень». Вот вам еще один повод посмотреть!.. О чем это я? Да, Нинин официальный наряд – в самый раз

для юридической конторы, где она и должна была находиться, по моим расчетам. А не торчать в конюшне с ключами от машины Эмили.

– Вот ты где! – воскликнула Нина. – Лично я и на Сэма согласилась бы, но Эмили уперлась. Хочет только тебя. Не понимаю – какая разница?

– Сэм выше на десять дюймов. И старше на десять лет. И блондин. А так – родная мать не отличит, – ответил я.

– Не важно, как ты выглядишь, важно – умеешь ли ты водить.

– Конечно, мэм. Я начал водить с одиннадцати!

– В прошлом году, значит...

Сама-то лет на пять старше!..

– Мне почти двадцать пять! – возмутился я.

Глупо: словно четырехлетний карапуз, который доказывает пятилетнему, что ему на самом деле уже четыре с половиной.

– А Макс и все остальные вернулись из города? – спросил я.

– Нет, – ответила Нина. – Мы приехали пораньше, на такси. Макс разрешил взять машину и ковбой и смыться отсюда ненадолго, если обещаем вернуться к ужину.

– Рад служить, мэм, только не пойму – зачем вам ковбой понадобился? – спросил я, огибая круп, чтобы мы с Ниной были по одну сторону Пельменя. – Знаю, Эмили не очень любит водить. Но вы ведь водите?

Я старался не выдать, в какой дикий восторг меня привела перспектива оказаться за рулем «Пирс Эрроу». Тогда на «Пирс Эрроу» ездили только сливки общества. Президенты. Принцы. Джон Рокфеллер. Орвил Райт. Бейб Рут. Ну, вы понимаете.

– Я не умею, – сказала Нина.

– Вы летаете на самолете и не умеете водить?

– Чтобы водить, много ума не надо! – отрезала Нина. – Держи ключи!

Пельменю стало интересно, с кем это я разговариваю, и он слегка повернул голову. Нинино лицо смягчилось.

– Это же Метеор! – воскликнула она.

– Да, – ответил я. – Правда, теперь мы зовем его Пельмешком.

– Я знала его еще молодым, да и сама я была тогда почти ребенком...

Нина обхватила лошадиную морду и потерлась о нее носом.

– Здравствуй, дружище! – сказала она. – Как поживаешь, дорогой? И почему глупые ковбои обзывают тебя Пельмешком?

– При нынешней его скорости, – объяснил я, – «Метеор» звучит немного издевательски. Нина отступила на шаг и окинула коня взглядом.

– Да, годы оставили след... Особенно в районе живота. Что ж, время никого не щадит. Он уже далеко не молод, как ни печально... Однако всегда останется моим любимчиком!

– Пельмень проживет еще много счастливых лет. Тьфу-тьфу, – постучал я по деревянной стене. – Он и мой любимчик тоже. – Потом я засунул ключи Эмили в карман и добавил: – Пусть он и растолстел с годами, все равно лучше всех остальных, вместе взятых.

– Надо же, – проговорила Нина, задумчиво меня разглядывая, – у тебя хороший вкус. Видимо, Эмили права, и ты умней, чем кажешься.

– Наверное, права, мэм, – ответил я и протянул руку: – Меня зовут Вард.

Вместо рукопожатия Нина вложила в мою ладонь записку. Я опять почувствовал себя по-дурацки и подумал: «Видимо, не умней».

– Ну и что же у вас стряслось? – спросил я, разворачивая сложенную бумажку.

– Эмили пошла на попятную! Храбрости хватило до входной двери адвокатской конторы. Даже зайти не смогла! Кто-то из теток нашептал ей, что раз она сомневается, то до сих

пор любит Арчера. Как будто любовь что-то значит! Забивают людям головы голливудскими романтическими бреднями!

Я, собственно, именно этим и зарабатывал кусок хлеба – насаждением голливудских бредней. Маргарет потому меня и наняла, что я походил на киноактера, который играл благородного красавчика в ее любимом фильме – комедии Мэй Уэст «Она обошлась с ним нечестно». Кэри Гранта, верно!

– Смотри, Макс, как у него блестят глаза! – сказала про меня Маргарет в конце собеседования, пока я надевал и застегивал рубашку. – Блеск в глазах у накачанного парня – большая редкость! И вообще большая редкость.

Когда прохожу мимо витрины зоомагазина, всякий раз вспоминаю Маргарет. У щенков тоже умильно блестят глазки, пока они до одури виляют хвостиками, словно говорят: «Купи меня! Не пожалеешь! Я не подведу!» А когда смотрю фильмы про гангстеров, например «Лицо со шрамом», «Враг общества» или «Белая горячка» – их часто показывают поздним сеансом, – всегда вспоминаю Макса.

– Ох и красивые костюмы! – восхищался он у витрин магазина «Маджестик» в Рино. – Надо же – создать целое произведение искусства, чтобы к концу фильма его изрешетили! Невольно задумаешься...

О чем он невольно задумывался, я, впрочем, не уточнял.

Записка от Макса гласила: «Сделай, что она скажет. Лучше сразу».

Глава четвертая

В амбаре стоял все еще накрытый брезентом «Пирс Эрроу», а Эмили не было.

– Мы договорились встретиться здесь! – воскликнула Нина. – Так и знала! Опять струсила!

– Я не струсил! – раздался резкий голос, который, без сомнения, принадлежал Эмили, однако он звучал приглушенно, словно из-под горы одеял. – Я здесь!

Нина сдернула брезент, и я понял, что допустил большую ошибку. Надо было закрыть окна и опустить крышу! Видно, я совсем потерял голову при виде мягкой обивки, изящных серебряных ручек, приборной доски из древесины с наплывами и руля под эбеновое дерево. В результате на заднем сиденье пестрая кошка кормила целый выводок новорожденных котят.

Кроме кошачьего семейства, в машине никого не было.

– Где ты? – прокричала Нина. – Ради бога, Эмили, вылезай! Надо торопиться!

Распахнулась дверь дилижанса, и появилась Эмили с потрепанным белым боа через плечо.

– Как ты могла подумать, что я струшу? – возмущенно спросила она. – Еще полчаса назад воспевала мою смелость!

Тут я заметил длинную царапину на левой щеке Эмили. До меня дошло – на плече у нее не боа, а огромный облезлый котяра, который объявил себя королем местного кошачьего населения.

– Не жарковато для меха? – спросила Нина.

– Для такого замурчательного в самый раз! – возразила Эмили и погладила кота по всей длине.

Кот громко затарахтел, словно в амбаре завели трактор. Эмили шмыгнула носом и потерла глаза.

– Знакомьтесь – мой новый друг! Он сцепился не на жизнь, а на смерть с серым котом, я их разняла. И залезла с ним внутрь, чтобы он немного успокоился. Он меня тоже успокаивал. Дружеское участие – это чудесно. К сожалению, у меня, кажется, на него аллергия. На кота, а не на участие.

– Это Горлодер, – сказал я, забрал хвостатое чудовище у Эмили и выставил его на улицу. – Он истошно воет, когда злится. И вообще по всякому поводу.

– Как я его понимаю! – воскликнула Эмили и чихнула.

Я протянул ей очередную бандану.

– Сокращенно – Горлик. Он, кстати, пользуется большой популярностью у дам. И кот, с которым он якобы дрался, скорее всего, кошка. А также он с большой вероятностью приходится отцом котят, которых вы найдете на заднем сиденье вашего автомобиля.

Эмили перестала сморкаться в бандану.

– В машине котята?

– Смотрите сами! – сказал я и, пользуясь случаем, положил руку на спинку сиденья и украдкой погладил обивку большим пальцем.

На ощупь она напоминала свитер, который матушка подарила мне перед отправлением в колледж.

– Это кашемир? – спросил я.

Нина нетерпеливо топталась около дилижанса.

– «Это кашемир?» – передразнила она меня. – Тоже мне – ковбой!

Эмили не обратила на нее внимания.

– Да. Обивку выбирал Арчер – мой муж. Он обязательно хотел «Пирс Эрроу», ему понравился маленький лучник на капоте. И настоял, чтобы обивка была кашемировая. Я сказала: «Кожа более практичная». А он ответил: «Посмотрите, кто вдруг заговорил о практичности!»

– Мне очень жаль! Кошки всегда ищут темное место, чтобы окотиться...

– Ничего, – ответила Эмили. – Вернусь в Сан-Франциско – куплю другую.

Только и всего! Я вдруг осознал, как легко Эмили отнеслась к порче обивки. Я ожидал что-то вроде: «О нет! Только бы пятен не осталось!» или «Ну вот! Придется заново оббивать заднее сиденье». А тут вдруг «куплю другую». Я даже решил, что ослышался, и переспросил:

– Другую... что?

– Машину, – не моргнув глазом ответила она и позвала: – Нина, иди посмотри на котят! Какие же они милые!

– Я не любитель кошек, – буркнула Нина, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Эмили, пожалуйста, поторопись! Еще нужно переодеться!

Эмили опустила глаза на траурно-черный костюм для посещений адвокатов, теперь украшенный серебристой кошачьей шерстью.

– Зачем? Подумаешь, немного шерсти!

– Не шерсть! Платье! Нужны штаны! Скорей!

План побега был хорош, за исключением одного существенного изъяна – надо было уехать до приезда остальных, как говаривала одна наша гостья, любительница путать пословицы: «во что бы то ни пристало». Эмили с Ниной побежали переодеваться, а я занялся котятками. С кошкой Строфочкой (сокращенное от Котострофы) пришлось повоевать – она не давала переместить свое потомство.

Не было времени искать коробку, и на первое время я постелил попону в заднем ящике дилижанса и перенес туда парочку котят. Строфа не скрывала возмущения, однако я предусмотрительно надел перчатки, в которых мы натягивали колючую проволоку. Когда я вернулся за остальными, она уже сдалась и покинула поле боя. Это, конечно, облегчило задачу, но я забеспокоился. Когда новорожденных сразу забирают, мама-кошка иногда отказывается от них, и потом ей уже никак не докажешь, что она имеет к детям какое-то отношение. Выкармливать бедных брошенных малюток из пипетки рискованно, поскольку коровье молоко они не переваривают, а кошку доить затруднительно.

Однако опасения улетучились, когда я встретил Строфу по пути к дилижансу. Я совершал второй рейс, неся в каждой руке по котенку, а она тащила одного из отпрысков, ухватив его зубами за шкуру, обратно в «Пирс Эрроу». Сизифов труд – рот у нее был только один, а руки у меня две – перевес явно был на моей стороне.

Затем я услышал вдалеке гул мотора нашего минивэна, поскорей положил последние пушистые клубочки внутрь и подсунул под крышку ящика еще одну попону, оставив щель – достаточно широкую, чтобы кошка могла пролезть одна, но не с полным ртом котят.

Когда я подлетел к двери амбара, над горизонтом в конце дороги, ведущей к ранчо, показалось облачко пыли. Я прикрыл дверь и стал подглядывать в щель – что же будет дальше.

Как-то мама повезла меня – совсем маленького – по магазинам в Мемфис, уж не помню зачем. И в одном местечке мы наткнулись на кинетоскоп – даже в те времена устаревший и вытесненный живыми картинами. Впрочем, еще не полностью, раз хозяин магазина его купил и пока не выкинул. Опускаешь монетку в специальное отверстие сбоку, смотришь в видеоискатель, крутишь ручку, и – о чудо! – специально для тебя показывают фильм. Говорят, в некоторых кинетоскопах попадались обнаженные женщины; увы, я ничего подобного не видел – и уж точно не в ту поездку с мамой. Мне показали двух котов на ринге – они прыгали на задних лапах (их поддерживали специальные упряжки) и дубасили друг друга маленькими боксерскими перчатками.

В то утро я подглядывал в щель за происходящим. События разворачивались следующим образом: в окне спальни «Койоты» показалась Нина и замахала рукой, подзывая Эмили. При виде быстро приближающегося микроавтобуса обе изобразили крайнее отчаяние, нырнули вниз и скрылись из виду за подоконником. Далее мы наблюдали каждый из своего укрытия, как Макс припарковал машину и вылез первым, чтобы открыть для прибывших из Рино дам двери – сначала правую, потом левую. Как только все дамы перекочевали под крышу террасы, Нина и Эмили привстали. Эмили собиралась что-то сказать, однако Нина приложила палец к ее губам и стала прислушиваться, склонив голову к окну.

Я, в отличие от них, видел со своего наблюдательного пункта, как Макс поспешил распахнуть перед дамами входную дверь, как они одна за другой прошествовали внутрь и дверь закрылась. Нина – этажом выше – услышала стук и предостерегающе подняла руку: «Подожди!» Я успел досчитать до десяти (как, должно быть, и Нина). Затем она подняла раму и вылезла в окно в своем летном облачении – штаны-галифе, белая блузка и высокие сапоги. Эмили последовала за ней. В похожем наряде, за исключением сапог. Она, разумеется, надела красные – чтобы защищаться от ядовитых тварей.

– Жаль, Порция меня не видит, – вздохнула бледная от ужаса Эмили.

Мы ждали в машине, пока Нина пошла за ключами. Я запарковался за ангаром, где стоял Нинин самолет, – там был узкий клочок тени. Мы не успели почистить заднее сиденье седана перед отъездом, поэтому уместились все трое на переднем. Эмили сидела в середине, отвернув от меня колени, чтобы я мог переключать передачи. Пока мы удирали на всех парах, подпрыгивая на кочках и разбрасывая гравий, Нина размахивала руками, как ребенок на аттракционе.

– Наконец-то мы вырвемся из унылого душного болота! – кричала она, подставляя ладони ветру. – Тебе понравится летать, Эмили! Послушай, солнце – поскольку это твой первый раз – будет недолго и не слишком высоко. Сегодня прокачу тебя бесплатно, но потом, подруга, будь добра выкладывать по доллару. И снаряжение тоже пока в подарок.

– Снаряжение? – насторожилась Эмили.

– Ну да – шлем и парашют.

– Зачем парашют?

– Если вдруг не понравится (что вряд ли), самый быстрый выход – через борт.

Эмили порывисто вздохнула:

– Выпрыгивать я точно не буду!

– Не зарекайся!

Потом Нина рассмеялась и потрясла Эмили за коленки.

– Я шучу, глупышка! Парашют на случай аварии. Напомни показать, как он открывается, прежде чем полетим.

Когда Нина вылезла, Эмили, вопреки моим ожиданиям, не сдвинулась на дальний край сиденья, а осталась рядом – я физически ощущал, как ее трясет.

– В этот раз доехали гораздо быстрее, – сказала она. – Я не успела решить...

– Да, дилижанс красивый, но медленный, – сказал я. – Знаете, необязательно летать, если не хотите.

– Хочу... Я сама попросила! Но сейчас... Уилл Роджерс не идет из головы.

Уилл Роджерс (если вы не знаете) был крайне знаменит до войны. Играл в водевилях, потом в кино. Писал заметки в газетах. В первые годы Депрессии его читали все – от мала до велика. Люблю его высказывание: «В жизни можно посмеяться над чем угодно. Если это случается не с тобой». Незадолго до того лета он погиб в авиакатастрофе вместе с пилотом по фамилии Пост.

– Вспомнил интересный факт об Уайли Посте!

– Уайли Пост? Кто это?

Значит, Эмили думала не о катастрофе? Тогда не надо бы наводить ее на эти мысли.

– Это... друг Уилла Роджерса...

– Погодите-ка, да-да, я просто забыла имя! Он был пилотом!

Вслед за именем Эмили вспомнила и остальную часть истории, так как радость на ее лице быстро сменилась тревогой.

– Интересный факт? Интересней, чем то, как он погиб и заодно погубил Уилла Роджерса?

– У него был один глаз, – промямлил я. – И он водил самолеты лучше, чем многие с обоими глазами.

– До поры до времени... – заметила Эмили.

– Вряд ли он упал из-за отсутствия глаза! Скорей всего – отказала техника. Такое сплошь и рядом случается, никто не застрахован!

– Человек с ключами от ангара, наверное, ушел обедать! Если Нина его не найдет, поедем домой!

– Хорошо, – сказал я.

Вот только согласится ли Нина? Есть еще масса вариантов. Например, разбить окно в офисе камнем и перерыть стол в поисках ключа. Или взломать замок с помощью шпильки. Или снести выстрелом – раз уж есть кобура на поясе и пули в кармане. Вряд ли Нина поедет домой только потому, что человек с ключами от ангара ушел обедать.

Эмили обеими руками держалась за ручник – наверное, чтобы не сползти на пол и не забиться под сиденье.

– Я боюсь высоты, – проговорила она, крепко зажмурившись. – Даже когда просто смотрю вниз с лестницы, голова кружится...

– Зачем же вы тогда просили Нину вас прокатить? – удивился я.

– Чтобы доказать Порции, что я не «скучная», как она говорит! – призналась Эмили, приоткрыв глаза и доверчиво глядя на меня. – Если бы я вдруг начала летать на самолетах, она наверняка удивилась бы. А это моя самая заветная мечта!

– Удивить тринадцатилетнего ребенка?

– Не просто ребенка! Дочь! Я бы даже согласилась умереть, чтобы она удивилась. Развлеките меня, пожалуйста, пока Нина не вернется!

– Слепота на один глаз меняет пространственное мышление, – начал развлекать я. – Вы когда-нибудь смотрели на фотографию через стереоскоп?

– Стереоскоп? – повторила Эмили тихо.

– Деревянная штуковина на длинной палке с двумя окулярами, туда вставляют две фотографии одного объекта.

– У мамы был.

– Знаете, как он работает?

Она помотала головой.

– Фотографии сделаны под разными углами – как видят правый и левый глаз по отдельности. А вместе получается объемная картинка. Так устроен мозг. И когда одного глаза не хватает, у человека отсутствует часть картинка, и ему труднее оценивать расстояния. Нет пространственного мышления.

Довольно продолжительное время спустя Эмили заставила меня повторить рассказ для Нины. Как только я закончил лекцию, Нина заявила:

– Слушай, Эм! У тебя глаза расположены далеко друг от друга, ты, по идее, должна видеть вещи со всех сторон! Ну как персонажи комиксов с рентгеновским зрением. Например, какого цвета у меня сегодня белье?

– На тебе вообще сегодня нет белья! – не моргнув ответила Эмили.

Нина радостно хлопала в ладоши:

– Неплохая сценка для водевиля. Давай создадим бродячую труппу! А Варда найдем водителем фургона!

Тогда, у аэродрома, пока мы ждали известий от Нины, Эмили закрыла оба глаза, потом приоткрыла ближайший ко мне. Некоторое время изучала меня, затем промолвила:

– Изображение не становится плоским, а голова болит.

Она выпрямилась и открыла оба глаза.

– Хотя я, кажется, понимаю про разные углы... Надо найти мамин стереоскоп. У нее была целая коробка фотографий землетрясения в Сан-Франциско. Странно, что она их хранила...

– Вы выжили в землетрясении?

– Да. Мне было три года, я почти ничего не помню. Хотя иногда кажется, что помню, потому что часто рассматривала эти фотографии в детстве. Мама говорила – все к лучшему: землетрясение разрушило множество ужасных трущоб.

– А как же обитатели? – спросил я.

– Они, должно быть, нашли другое жилье, – ответила Эмили, закрыла оба глаза и упала на сиденье. – Расскажите что-нибудь еще, Вард! Скорее!

Я воздержался от комментариев – не мне судить, насколько ее мама была права насчет лишившихся крова. И момент был явно неподходящий. К тому же даже моя матушка, которая тоже выросла в бедноте, могла отпустить подобную ремарку. Я собирался рассказать историю о кинетоскопе и котах-боксерах, когда из-за угла ангара вышла Нина, помахивая связкой ключей. За ней следовали сторож и долговязый парнишка.

– Как он летает? – спрашивала Эмили. – Ведь у него нет крыльев!

Мы втроем стояли перед ангаром, пока сторож с мальчишкой выкатывали самолет. На месте крыльев и правда были лишь небольшие выступы, больше похожие на плечи. Точь-в-точь фанерная машинка для ежегодных «Гонок на мыльных ящиках».

– Смотри! – объявила Нина. – Тебе понравится!

Она вскарабкалась на колесо рядом с кабиной (как я залезал на козлы дилижанса) и открепила L-образную скобу. Затем поднырнула под корпус и вытащила точно такую же снизу. Потом просеменила к хвосту, ухватила за кончик сложенного крыла и толкала крыло вперед, пока оно не оказалось на уровне с кабиной. Потом вставила крепежные скобы в специальные пазы по обе стороны крыла и закрутила гайками. Конструкция поддерживалась еще и ремнями – не толще того, что держал мои штаны и с похожей застежкой.

Я взглянул на Эмили. Она была очень бледна.

– Та-да! – торжествующе пропела Нина. – Великолепно, правда? На земле он складывает крылья, как птица! Скоро у каждого в гараже будет собственный самолетик! Сейчас вытащу второе крыло – и полетим!

– Ни за что! Это самоубийство! – выпалила Эмили.

На обратном пути все долго молчали.

– Самоубийство? – наконец процедила Нина.

– Я не имею права рисковать жизнью! У меня ребенок!

– Это не оправдание! У Шеклтона тоже были дети. У адмирала Перри вообще целых десять!

– Они мужчины!

– И что? Почему нам нельзя рисковать и пускаться в приключения? Ты смотришь в телескоп с неправильной стороны, Эмили! Жизненный выбор должен расширять горизонты, а не сужать! И дети тоже!

– Тебе легко говорить, – нахмурилась Эмили. – У тебя нет детей! Тебе не понять!

– Чушь! Я знаю, что такое дети! В конце концов, я сама ребенок! Была...

– И не повзрослеешь, пока не родишь!

– Посмотри на меня, Эмили!

Эмили посмотрела. Я тоже. Нина гипнотизировала соседку по комнате, как удав кролика. Под колесами хрустнул гравий. Я понял, что съехал на обочину, вспомнил, что веду машину, и вновь уставился на дорогу.

– А почему ты не боишься за собственную жизнь? – продолжила Нина. – Ты не менее ценна оттого, что у тебя появляется ребенок. По крайней мере, так мне говорила мама.

– Ты не поймешь, – повторила Эмили, слегка отодвигаясь от Нины с ее прожигающим взглядом. – Давай останемся каждая при своем мнении.

– Ну же, Эм! – не отступала Нина. Она развернула Эмили к себе и взяла за руки. – Знаешь, сначала мне тоже было страшно!

– Тебе? Ни за что не поверю!

– Было! Страшно до смерти! Я тоже была трусишка зайка, как ты!

– Я не трусишка, просто...

– Трусишка! Не отрицай. Но когда я над тобой поработаю, ты себя не узнаешь! Если, конечно, выживешь!

– Не смешно! – отрезала Эмили. – Что с тобой не так, Нина?

– О, даже не знаю, с чего начать! Иногда принимаюсь составлять список и каждый раз устаю и бросаю. Зачем тратить время, когда можно пойти и наделать еще глупостей? На ошибках учатся гораздо лучше, чем на успехах, Эм. Почему я мудра не по годам? Именно поэтому!

Глава пятая

На ранчо мы вернулись как раз к ужину.

– Что сегодня дают? – спросила Эмили, когда Сэм подошел к ней с подносом. – Пахнет чудесно!

– Крольчатина, – сказал Сэм. – «Олли Кинг».

– «А-ля кинг», – поправила его Маргарет. – Хотя это просто модное название. На самом деле обычное кроличье мясо в соусе.

– «А-ля кинг» значит «по-королевски»! – оживилась Мэри Луиза. – Кстати, я видела настоящего принца! Мы познакомились на яхте моего мужа.

Мэри Луиза была высокой и хорошо сложенной блондинкой с огромными голубыми глазами и широкими плечами – настоящая дочь викинга. При желании могла бы народить сыновей на целую футбольную команду, чем, возможно, и занялась в дальнейшем. Она сошла с подмостков «Безумств Зигфелда» и обосновалась в сердце некоего промышленника, производящего изделия из кожи, с которым теперь разводилась. Мэри Луиза пробыла замужем достаточно долго, чтобы немного повидать мир, однако недостаточно, чтобы научиться к месту делиться впечатлениями.

– Неужели? – отреагировала Маргарет. – Он был принц чего?

– Какой-то страны. Такой, знаете, немолодой и хмурый. Занимался делами с моим мужем, на меня внимания не обращал. За ужином надел форму и нацепил целую кучу медалей. За участие в войне, что ли... И хорошо, а то без них был бы похож на шофера.

Спустя несколько лет, когда та война стала «первой», мой полк послали в Европу, и там я тоже повстречал настоящего принца. Тоже немолодого и хмурого. Если бы он не истекал кровью, я обязательно спросил бы, не приходилось ли ему бывать на яхте американского производителя кожи.

– Не желаете немного крольчаткины «Олли Кинг»? – спросил Сэм у Эмили.

– Да, пожалуйста.

Я шел следом с корзинкой булочек и слышал, как Нина прошептала, склонившись к Эмили:

– Будешь есть зайца? Каннибализм!

Они переглянулись и захихикали. Ссора была забыта.

Вечерние трапезы на ранчо проходили в чисто женской компании, мы, ковбои, исполняли роль официантов, Макс суетился на кухне: выкладывал на блюда все, что наготовила Маргарет. Сама Маргарет сидела с гостями, следила, чтобы ужин и беседа протекали спокойно. В те времена народ с ума сходил по тематическим вечеринкам. Мы обычно не заморачивались и объявляли тему «Леди и ковбои». Таким образом, любительницы насвистывать «Не бей копытом», засунув руки в карманы, могли явиться к ужину в ковбойском облачении (лицо и руки они, как правило, мыли, но пыль с сапог нарочно не стряхивали), а те, кто за день устал от тесных джинсов, переодевались в вечерние платья.

– Я сама, спасибо, – заявила дама из разряда «леди» (постарше, имени не помню), отобрала у Сэма вилку и приняласьковыряться в блюде, отыскивая кусочек получше.

Она была полная, однако обладала легкой поступью – это я точно помню, так как множество раз танцевал с ней, пока она у нас гостила. На вид степенная, как Маргарет Дюмон в фильмах Маркса Бразерса. Не без причуд, однако очень даже ничего – за исключением тех моментов, когда впадала в образ роковой женщины и пыталась сразить очарованием весь округ Уошо.

– Вы, наверное, непрерывно влюбляетесь, Самсон? – спросила она Сэма, пока тот стоял около нее с подносом, и послала ему долгий многозначительный взгляд. – Вот он! Самый лакомый кусочек...

Она подмигнула, не спеша перекладывая мясо себе на тарелку и попутно демонстрируя Сэму вырез платья.

Эмили на другом конце стола заерзала, а Нина возвела глаза к небу. Нине эта дама сразу не понравилась, так как имела неосторожность заявить, что хорошо знакома с матерью Нины, и в подробностях поведала, как они ходили вместе на пикник в Ньюпорте незадолго до войны.

– Войны двенадцатого года? – мило спросила Нина.

Надо отдать нашей даме должное. Она не растерялась:

– Ничего, вы тоже постареете когда-нибудь, милочка. Если, конечно, повезет. А душа, между прочим, всегда остается молодой. Сами убедитесь...

Нина с тех пор называла даму Цеппелина и иногда ласково – Цеппа.

– В честь дирижабля, – объясняла она Эмили. – Содержит легковоспламеняющиеся вещества. Рядом лучше не прикуривать. Взрывается при контакте с открытым пламенем. Ну и комплекция опять же...

Сэм, чье полное имя было даже не Сэмуэль и уж точно не Самсон, был восьмым ребенком в семье фермера в Батерфильде, штат Арканзас, и усвоил с детства: чем больше щелкаешь клювом, тем меньше еды достается. И посему был немногословен и загадочен. Маргарет говорила, что он вылитый Гэри Купер – и внешностью, и манерой.

– Влюбляюсь ли я? О да, мэм! – ответил Сэм. – Но за двумя зайцами – ни в жисть!

– Наши ковбои не заводят отношений с гостями, – добавила Маргарет.

– Почему? – спросила Цеппа.

Маргарет всегда затруднялась объяснить причину. Напрашивалось не слишком вежливое – «потому что здесь не публичный дом».

– Вы ловили головастика, мэм? – спросил Сэм у Цеппелины.

– Нет, – ответила та, – разве что в детстве.

– Поймали вы, значит, головастика, принесли домой, посадили в таз. Понятное дело, хотели заботиться и все такое. А он в одно прекрасное утро – хлоп! И кверху пузом!

Сэм аккуратно пристроил вилку между оставшимися кусочками зайчатины и важно закончил:

– Как-то так...

Затем почтительно прикоснулся рукой к полям несуществующей шляпы и удалился на кухню, толкнув спиной висячие двери в стиле салуна.

Сэм был безгранично предан Маргарет. Как и все мы.

Позже, когда никто из дам не слышал, Маргарет его похвалила:

– Очень элегантное объяснение, Сэм. И понятно, и не обидно... Хотя и не совсем правда. С другой стороны – не совсем ложь. Давай его и будем использовать, хорошо?

Сэм кивнул.

– Главное, чтоб корм в коня, – заметил он.

Поскольку мы вечно сновали туда-сюда с подносами, разговоры дам долетали до меня урывками. Я усвоил лишь «основные тезисы», как говаривал один мой зануда-сосед по колледжу родом из Шеверпорта, штат Луизиана. Он настаивал, чтобы слово «тезис» я произносил исключительно через «э» и не позорил просторечным выговором собратьев-южан (в частности, его). Даже написал напоминание в моем блокноте. В молодости я всегда носил в кармане блокнотик на пружинке и заносил туда остроумные высказывания, а также свои жалкие попытки стихосложения. Знаете ли вы, как много рифм у слова «седло»? И я понятия не имел до начала работы на ранчо. У меня накопилась целая коробка блокнотиков, я хранил ее долгие годы.

Потом они то ли растерялись, то ли пошли на растопку, не помню... Сгнули, как и моя копия этой вот фотографии.

Однако некоторые высказывания остались в памяти. Например, «Мы выходим замуж не за достоинства, а за деньги» или довольно популярное: «Тяжелый кошелек уравнивает многие недостатки». Или вот еще: «Богатых дураков долго в браке не удержишь, певички их уводят на раз». А это высказывание я запомнил сразу, даже записывать не пришлось: «Если в твоих фантазиях муж чаще мертв, чем жив, – точно пора разводиться».

О чем это я?... Ах да! Ужин после аэродрома. Во время вечерней трапезы столы покрывали скатертями, раскладывали карточки с именами и доставали лучший сервиз с золотой каймой. Макс предлагал заказать посуду с надписью и прыгающим пегасом, однако голливудский декоратор отговорил. Гости растащили бы их на память.

Сэм питал нежность к красивым сервизам, поэтому сервировка стола была его обязанностью. Иногда, когда Маргарет задерживалась с ужином, а постояльцы начинали выказывать нетерпение, она, чтобы выиграть время, посылала в столовую Макса. Тот объявлял:

– Что я вижу? Пятно на скатерти?! Немедленно сменить!

Сэм кивал, брал скатерть за углы и резко выдергивал. Посуда звенела, однако оставалась почти на прежних местах. Дамы были в восторге. Про запоздавший ужин никто не вспоминал.

– В жизни должно быть место чуду, понимаешь? – сказал как-то Макс, когда я спросил его, почему этот трюк всегда пользуется успехом.

Да-да, вы не ошиблись, я сказал «карточки с именами». И кстати, великолепно оформленные – Маргарет заказала их в большом количестве в Нью-Йорке, у некой миссис Джон Л. Стронг. У Маргарет был прекрасный почерк еще со времен обучения в монастыре. Она для каждой гостьи подписывала карточку, а также деревянные прищепки – чтобы одежда на веревках не путалась. Частично карточки были в помощь нам – чтобы быстрее запомнить имена, однако главной их функцией была безопасная рассадка во избежание конфликтов.

В тот вечер безопасной рассадки не получилось, я даже из кухни различал спор в столовой. Цеппелина забрасывала Нину вопросами. Та отвечала. Я грыз куриную ножку над раковиной и слушал.

– Вы ведь из Сент-Луиса, Нина? Тогда все ясно!

– И что же вам ясно? – спросила Нина.

Ситуация накалялась. Я бросил ножку, вытер лицо и руки, схватил кувшин с водой и поспешил в зал.

– Поэтому вы стали летать! – говорила Цеппелина, когда я выходил из дверей.

– Не вижу связи, – пожала плечами Нина.

– Чарльз Линдберг – ваш земляк! – объявила Цеппелина. – Он даже назвал самолет в честь родного города. «Дух Сент-Луиса»!

– Правда? Спасибо за информацию! Никогда не слышала про Линдберга! – наигранно удивилась Нина, постукивая ножом и вилок по краю тарелки. Вид у нее был такой, словно она вот-вот вонзит их в пышную грудь любопытной соседки по столу.

– Удивительно! Я думала...

– Прекрасное занятие! Продолжайте думать! Я пошутила! Естественно, я знаю, кто такой Чарльз Линдберг! Просто мне до смерти надоело о нем слышать! А ему-то как надоело о себе слышать, вы не представляете! Особенно если учесть, как его известность отразилась на судьбе сына...

Эмили поменялась в лице и схватила Нину за руку:

– Перестань! Давай сменим тему! После похищения я даже спала вместе с Порцией! Арчер говорит... Впрочем, уже неважно.

Она опустила глаза и принялась разглаживать салфетку на коленях.

Нина хлопала Эмили по руке:

– Ладно, не буду... Если хотите знать, Цеп... то есть мэм, я начала летать, потому что мне нравится смотреть на людей свысока!

– А кто еще летал на самолете? – вмешалась в разговор Маргарет.

Получилось точь-в-точь как у учительницы в классе. Мэри Луиза даже подняла руку, прежде чем ответить:

– Мы с мужем в основном путешествовали на яхте или на частном поезде. Но я росла в Небраске и один раз почти села на самолет. С одним летчиком – они давали в нашем городе авиашоу.

– Если я не ошибаюсь, Чарльз Линдберг начинал карьеру как... – продолжила Цеппелина. Маргарет накрыла руку Цеппелины своей и едва заметно покачала головой.

– Продолжайте, Мэри Луиза! – попросила она.

– Летчик был красавчиком. И он побывал во Франции. Это где Париж! Настоящий военный пилот, как в том немом фильме, который тогда показывали. «Крылья» – вот! Вы видели «Крылья», Нина?

– Я? – спросила Нина. – Я благодаря ему и увлеклась самолетами! Гэри Купер там неподражаем! Всех затмил!

Маргарет заметила меня и воскликнула:

– Кстати, Вард, спросите, пожалуйста, у Сэма насчет фруктового пирога! Мы готовы к десерту!

– Сию минуту, мэм! – ответил я, а сам еще какое-то время околачивался у стола, наполняя стаканы водой – ждал, чем закончится разговор.

– Говорят, Гэри Купер украл сердце Клары Бау! – сказала Цеппелина. – Во время съемок она была помолвлена с другим, однако у них с Купером случился роман. Вы, наверное, ужасно завидовали Кларе, Нина?

– Еще чего! Я завидовала Куперу! Его персонаж погиб ради любимого дела! После того как съел полплитки шоколада. Даже не узнал, отчего погиб. Раз – и в раю!

– В тот день я надела лучшее платье, – задумчиво продолжала Мэри Луиза, водя пальчиком по золотой кайме на тарелке. – Разделила волосы на прямой пробор – переделывала миллион раз, чтобы было ровно. Думала – пилот посмотрит с высоты (как вы, Нина, говорили), увидит аккуратный пробор и подумает: «Вот девушка моей мечты!» Да, звучит глупо. Но я была маленькая и очень не хотела до самой смерти лущить кукурузу. А вы знаете, как быстро растет кукуруза? Ее слышно! Она шуршит без всякого ветра! В детстве я была уверена – кукуруза украдет меня ночью, сварит и съест!

– Расскажите, Мэри Луиза, – попросила Эмили, снимая салфетку с колен и наклоняясь вперед. – Страшно садиться в самолет?

– Мэри Луизе наверняка, – вмешалась Нина, – если ее пугает даже шуршание растущей кукурузы. А вдруг она не зря опасалась? Кукурузные семечки подозрительно напоминают зубы...

– Конечно, я волновалась, Эмили, – ответила Мэри Луиза, не обращая ни малейшего внимания на Нину. – Но выбора не было. Летчик был моим единственным шансом выбраться из Небраски. Полет с ним стоил доллар, а билет куда бы то ни было на самолетах «Юнион Пасифик» – все тридцать. У меня же был только доллар.

– Ну за пятнадцать минут вы бы далеко не улетели, даже на самолете, – заметила Эмили.

– За пятнадцать минут я бы далеко зашла в отношениях с пилотом, – ответила Мэри Луиза.

Нина задумчиво оперлась на руку, разглядывая Мэри Луизу.

– Вам и пятнадцати секунд хватило бы.

– Спасибо, – откликнулась Мэри Луиза. – Я тоже так думала. Но кое-кто считал иначе. Девушка в очереди передо мной. Она рассказывала подруге, как целовалась с пилотом, когда

он раздавал рекламные листовки накануне, и как он наверняка уже в нее влюбился. В тот вечер она собиралась пригласить его на ужин и познакомить с родителями. Они бы поженились, он бросил бы летать и перенял бы дела на ферме после смерти ее отца. Та девушка не сомневалась – остаток жизни они проведут вместе. Ужасная самоуверенность! Хотя она и правда слыла первой красавицей в городе...

Мэри Луиза пожала плечами и закончила:

– И ведь оказалась права!

– Он бросил летать? – воскликнула Нина.

– Они поженились? – одновременно с ней воскликнула Эмили.

– Нет. Когда они шли на посадку, она размахивала руками, как дурочка. Думаю, это его отвлекло. Потому что он угодил колесом в колючую проволоку и перевернул самолет. Шлеп! Оба насмерть!

Позже мы убрали на кухне. Я был с Маргарет наедине, и она сказала:

– Я видела, как Нина тебе улыбалась за ужином.

– И что? – спросил я.

– Она называет тебя Кашемир. Почему?

– Ей показалось забавным, что я отличаю кашемир на ощупь.

Маргарет приподняла бровь.

– Обивка на заднем сиденье машины Эмили кашемировая, – поспешно добавил я.

– Откуда ты знаешь про заднее сиденье машины Эмили?

– Там родила кошка. Больше ни о чем я не думал!

– А ты лучше подумай! Осторожно, Вард! Из-за таких, как Нина, мозги у мальчиков вроде тебя отключаются начисто.

– Нина мне ни капельки не интересна. Я не собираюсь плавать кверху брюхом, как тот несчастный головастик! Она даже имени моего не помнит...

Глава шестая

Летний Рино напоминал раскаленную сковороду; единственным спасением был сезонный ветер, который в это время года почти каждый день скатывался с гор, овеивал лица прохожих и теребил листья деревьев – благо их предусмотрительно насажали в большом количестве.

У меня была любимая скамейка в тени у адвокатской конторы, недалеко от здания суда, где я обычно ждал дам. Надо мной колыхалась листва – туда-сюда, туда-сюда, а до слуха изредка долетали пикантные подробности чужих жизней:

- На прошлый День благодарения я застала его со своей сестрой!
- Конечно, ребенок от мужа! Хотя я не уверена...
- ...и на счету не осталось ни цента!
- Разумеется, я знала, что он лжет!
- Я ушла, когда он поднял на меня руку...
- Он говорит, что любит, а я его ненавижу!
- Я люблю его, а он меня ненавидит!

Словно слушаешь радио жизни – крутишь ручку передатчика, переходя от судьбы к судьбе, а повсюду одни мыльные оперы, одна другой тоскливей. Когда я только приехал в Рино, у меня толком не было мнения – хорошо или плохо разводиться, однако, послушав, через что пришлось пройти нашим дамам, я убедился – развод совершенно необходим! Лучше уж гореть в аду после смерти, чем провести в браке всю жизнь!

Пару дней спустя, когда мы с Сэмом кое-как отчистили заднее сиденье «Пирс Эрроу», я повез Нину с Эмили в город. Нина взялась лично проводить Эмили в юридическую контору, где сама была постоянной клиенткой. Сиденье еще не просохло (а пятна, кстати, так и не отошли), поэтому они опять уселись впереди – рядом со мной дрожащая Эмили.

- Я не смогу! – пожаловалась она.
- Еще как сможешь! – заявила Нина. – Давай я расскажу о конторе. Называются они «Хапс и Хапс». В честь горы денег, отхапанных на моих разводах.

– Правда?

Нина рассмеялась.

- Очнись, солнце! – сказала она и постучала Эмили по лбу: – Тук-тук! Кто-нибудь дома?

Странно – звук полый... А где мозги?

Эмили ударила ее по руке:

- Перестань! Злюка...
- А ты тогда не обзывайся «каланчой».
- Я никогда не называла тебя каланчой!
- Впрочем, называй, – передумала Нина. – Каланча – похоже на бандитскую кличку.

Мне нравится. А братья Хапсы – цепкие адвокаты. Лучшие в Рино. Ты записана к Майклу – младшему. Он вообще зверь! Обчистит твоего Арчера до нитки!

Я подъехал к конторе и обошел машину, чтобы открыть пассажирскую дверь.

- Дело не в деньгах, – вздохнула Эмили, пока я помогал выйти из машины Нине.
- Не обманывай себя! – ответила Нина. – В чем же еще? У тебя они есть, а у него нет!
- Да ладно, какие там деньги... Бывают люди и побогаче.
- Арчер к ним не принадлежит.

Нина была облачена в серое платье для похода к юристам, а Эмили – в черное, очищенное от кошачьей шерсти.

- Как я выгляжу? – спросила Эмили, вылезая с моей помощью из машины.

– На все сто! – ответил я. – Вот только... – Я двумя пальцами снял с плеча кошачий волос и предъявил Эмили. – Ваш дружок Горлик оставил подарок.

Эмили взяла волосок и прицепила его обратно на платье.

– Хорошо! На счастье!

Я припарковал «Пирс Эрроу» на другой стороне улицы и устроился на тенистой лавочке. На втором этаже с грохотом открылось окно, и я услышал голос Нины:

– Майк, как ты тут сидишь в духоте? Вентилятор не решает проблему, просто гоняет горячий воздух. Из пустого в порожнее... Впрочем, как ты любишь. Шучу-шучу, – добавила она и позвала: – Садись сюда, Эмили, здесь ветерок.

По полу протащили стул.

– Рассказывай спокойно, солнце! Майка ничем не удивишь. Он всякого уже навиделся и наслушался. Я подожду в машине.

Я решил встать и пройтись по кварталу. Если Эмили увидит меня из окна, то решит, что я подслушиваю, и не будет спокойно рассказывать Майку «всякое». Сделав круг, я направился обратно – Эмили уже наверняка увлеченно изливает горе и не будет смотреть на улицу. К моему возмущению, место на скамейке заняли. Там восседала защитница прав Эмили в сером облачении. Нина.

– Что вы здесь делаете? – спросил я.

– Прячусь от репортеров, – ответила она. – Уйди!

– Но это мое место!

– Тогда садись, только не болтай! – сказала она и подвинулась.

У нее была странная гримаса на лице – то ли болел живот, то ли она напряженно что-то вспоминала.

– Вам плохо? – спросил я.

Нина не ответила. Я посмотрел – цвет лица нормальный, испарины на лбу нет. Решил не волноваться.

– Кстати, я не возражаю, чтобы вы называли меня Кашемир. Вы же знаете, что я на самом деле Вард? Сокращенное от Говарда. В честь отца. Когда я родился, его стали звать Говард-старший, а меня...

– Тихо! – сказала Нина. – Я из-за тебя не слышу Эмили!

Я понял, откуда напряженное выражение лица – она, оказывается, не рылась в глубинах памяти, а прислушивалась.

– Подслушиваете? – спросил я.

– Тсс! – шикнула она. – Ты тоже подслушивал, не отпирайся! Я видела из окна.

Да, Нина была на редкость проницательной женщиной.

– Клевета! – возмутился я.

– Я не осуждаю, Кашемир. Наоборот – вдохновлена. Я увидела тебя и придумала подвинуть стул Эмили поближе к окну, чтобы было лучше слышно. Я его поставила спинкой, чтобы ей было неудобно оглядываться на скамейку. Эх, если бы Эмили объяснила по-человечески, почему тянет с разводом, не пришлось бы мудрить.

– Но ведь она сейчас у юриста – значит, процесс пошел? – спросил я.

– Надеюсь. Я была уверена, что она готова бросить это жалкое подобие мужа, раз доехала аж до Рино, застукав его на месте преступления. Куда там! Пришлось эту женщину чуть не за волосы сюда тащить! Интересно, решится или нет? – Нина пожала плечами: – Видно, она привыкла выбирать известное из двух зол. Лично я предпочитаю новое... Почему бы не рискнуть, ведь можно выиграть по-крупному. Некоторым везет...

– Вы говорите как мой дядя, – заметил я.

– Да? И что же за человек твой дядя? Неисправимый оптимист и безнадежный романтик?

– Нет, он скорее был прожженным себе-побольше-отхапистом.

– Был? Он умер?

– Жив. Но умер для меня.

Нина наклонила голову и некоторое время меня разглядывала.

– Интересный ты тип, Вард, – произнесла она.

Затем стала изучать свою руку. Пальцы у нее были длинные и красивые, но вот ногти – словно топором стригли. Приглядевшись, она заметила заусеницу и начала сосредоточенно ее грызть. Потом сунула руки в карманы и пробормотала под нос:

– Перестань!

– И правда, бросайте, – сказал я. – Под ногтями микробы, особенно если не мыть руки несколько раз в день. Что никто не делает.

– Спасибо, дружище, за ценный совет, – нахмурилась Нина. – А теперь помолчи, а то пропустим самое интересное. И будет обидно – зря я, что ли, столько сил и энергии потратила, двигая стулья?

Ветер в основном дул в нашу сторону и приносил обрывки волнующих подробностей. Голос Эмили звучал резко, как никогда:

– Мама предупреждала, что мужчины изменяют, но ведь должен же быть предел...

– ...длинный белый волос на подушке... в доме, где я выросла!

– ...и он сказал: «Я тебе не комнатная собачка. Не твоя собственность!» Словно я...

Ветер подул прямо на нас, теперь мы слышали предложения целиком:

– Арчер заявил: «Думаешь, ты такая замечательная, Эмили? Нашлась принцесса! Да первая встречная на улице лучше тебя!» А я тогда ответила: «Понятно теперь, где ты находишь своих женщин. На улице». А он сказал...

Тут ветер сменил направление и унес конец фразы.

– Хорошо, – одобрила Нина. – Она себя в обиду не дала. Молодчина!

Ветер снова подул в нашу сторону, однако ответ Арчера мы пропустили.

– Я собрала чемоданы, и мы с Порцией уже собирались ехать, – говорила Эмили. – И тут Арчер как закричит: «Не смей забирать дочь! Если вы обе уедете, я умру! Я тебя засужу! Или умру! Или засужу!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.